ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

© Н. Н. Равочкин^{1,2}

¹Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева, Кемерово, Россия

²Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, Кемерово, Россия

Институциональная проблематика в социальной философии, сопряженная с идеями в теоретико-методологическом и прикладном аспектах, приобретает значимость только в последние десятилетия. Во многом политико-правовые институты ответственны за выход государств на эволюционную магистраль в развитии. В статье автор анализирует современные социально-философские концепции с позиции их применимости в синтетической методологии исследования политико-правовых институтов. Теоретико-методологическими основаниями в работе выступают труды зарубежных, а также отечественных специалистов, в которых рассматривается суть выбранных для критического анализа концепций. В целях раскрытия заявленной тематики проводится обращение к теориям Дж. Агамбена, М. Деланда, М. де Серто и Ж.-Л. Нанси. Представлены сильные и слабые стороны анализируемых материалистических методологических позиций, а также представлены перспективы и практическая связь подходов с проблематикой политико-правовых институтов.

Ключевые слова: политико-правовые институты, общество, идеи, современные социально-философские концепции, социальная структура.

Введение. Сегодня для социальной философии приобретает значимость проблема, непосредственно касающаяся прояснения ее сущности. Основное затруднение связано с тем, что на современном этапе своего развития этот раздел не до конца определил рамки своего предметного поля. Смысл вопроса заключается в том, что ставшее традиционным переосмысление различных отношений и сфер общественной жизни отныне не является эффективным способом понимания специфики социума и его структурных элементов ни в теоретическом, ни в прикладном аспектах [7]. Причина достаточно проста – в таком традиционном понимании социальная философия оказывается излишне перегруженной теоретической составляющей, что в значительной степени мешает ей проводить глубокий анализ актуальных социальных процессов и реализовывать свой прикладной потенциал, который давно уже вошел в мейнстрим ожиданий от результатов этих поисков. Однако вместе с этим социальной философии

требуется проводить демаркационные линии с эмпирическими исследованиями в области ряда других обществоведческих наук, что становится возможным благодаря наличию в ней механизмов универсализации полученного знания.

В результате решение вопроса о том, как именно возможна современная социальная философия, видится в следующем. В первую очередь на основании общетеоретических философских принципов необходимо изучать конкретные прикладные тенденции общественного бытия, что откроет спектр возможностей узреть в предмете изучения не только тенденции развития социума и его сфер, но и получить прикладной материал для дальнейших исследований.

Основная часть. Изучение интересующих автора политико-правовых институтов ввиду злободневности данной тематики получает распространение не только в классических концепциях, но и, что закономерно, в современных теориях и подходах к постижению си-

стемы общественного устройства. Стоит отметить, что в различных современных подходах, будь то концепция практик М. де Серто, теория сборки М. Деланда или учение о сакральном человеке Дж. Агамбена, так или иначе формируются принципиально иные концептуальные основания трактовки этих институтов. Разумеется, все это способствует трансформациям в понимании всей системы общественных отношений. В большинстве концепций также решается вопрос об изменении сущности самих политико-правовых институтов.

В частности, такие изменения переводят природу власти в область символической реальности, где ее реализация происходит не в качестве формы принуждения, но как образ исполнения данных полномочий. Можно сказать, что власть-сама-по-себе больше не существует, но она сакрализуется, становясь священным субъектом, находящимся исключительно в индивидуальных мировоззренческих координатах. Отметим, что при этом сам субъект властвования уже не требуется, он вообще может отсутствовать. И если у М. Фуко властвующий субъект еще как-то незримо и персонифицированно присутствует в структуре государства, то уже в концепциях Дж. Агамбена, М. Деланда, Ж. Рансьера и других властные институты замещаются сетью. Отныне влияние в социуме осуществляется в процессе действий, которые не предполагают наличия властвующего субъекта. Властные персонифицированные субъекты передают присущие им полномочия и способы проявления собственной сущности органам исполнительной власти, которые, в свою очередь, предопределяют их существование.

Ниже рассмотрим основные современные концепции, посредством анализа которых можно более подробно определить векторы трансформаций политико-правовых институтов в их взаимовлиянии с интеллектуальными конструктами. Одной из наиболее известных является концепция биополитики Джорджо Агамбена, в рамках которой происходит критика властной теории Мишеля Фуко. Напомним, что у Фуко власть реализуется в форме

дисциплинирующего воздействия на тело человека. Такое влияние предполагает, что социальный субъект представляет собой не отдельного индивида, но скорее его биологическое тело, которое необходимо дисциплинировать различными способами. И если у Фуко реализация властных полномочий происходит в различных не-политических областях (медицина, культура, образование), то Агамбен идет дальше и объединяет юридически-институциональную и биологическую модели власти.

В концепции Дж. Агамбена выделяется два состояния человека: (1) как член общества и (2) как объект, на который направлена власть. Первое из этих состояний связано с положением индивида как участника всего многообразия социальных отношений, чьи права и способы бытия в государстве основаны на действующем законодательстве [3]. Поскольку регламентация такого состояния осуществляется комплексами действующих юридических и нравственных норм, которые в значительной степени определяют функционирование государства, то оно не может быть нарушено властными акторами, в том числе и самим сувереном.

Во втором варианте человек может рассматриваться исключительно как тело, полностью лишенное гражданских и естественных прав. Такое положение дел оказывается возможным только в режиме «чрезвычайных ситуаций», введение которых находится в компетенции суверена. При введении соответствующего режима суверен приобретает права на исключительные полномочия, что позволяет ему выходить за пределы норм, как моральных, так и правовых. При подобном раскладе суверен вправе распоряжаться человеком как социальным субъектом не только как обладающим гражданскими правами, но и как физическим телом. Можно сказать, что в этом случае человек теряет право быть собой и становится «телом среди тел». Агамбен связывает это с тем, что в реалиях чрезвычайных ситуаций любые правила не прекращают функционировать, но временно приостанавливают свое действие [5]. В такой логике человек существует

в системе права на основании «включенного исключения». Суверен реализует собственную волю, которая обретает абсолютный статус и юридическую обоснованность. Таким образом, статус человека перестает содержать в себе хотя бы видимость независимости, а каждый индивид становится не более чем объектом, которому для внешнего облика все еще приписывают свойства обладателя юридических прав и гарантий, однако сами процессы наделения правами контролируются всеобъемлющим субъектом власти.

В отличие от концепции биополитики М. Фуко, в которой властный субъект ограничен наличием у человека возможностей на самостоятельное существование на основании присущих каждому из нас гражданских и естественных прав, властный субъект Агамбена распространяется не просто на все общество. Для итальянского мыслителя суверен оказывается способным контролировать больше, чем существующие в обществе отношения, поскольку он может контролировать физическое тело индивида, что делает его «собственностью суверена», но, конечно, при наличии у последнего такого желания. Таким образом, в агамбеновских идеях политико-правовые институты распространяются до максимальных размеров и получают практически неограниченный функционал, что связывается с нежеланием этих институтов стремиться установить истину и способствовать восстановлению справедливости: «Это доказывается, среди прочего, силой судебного решения, которое присуще и несправедливому приговору. Конечная цель права – создание *res judicata*, посредством которого приговор заменяет собой истину и справедливость и имеет значение истинного даже вопреки своей ложности и несправедливости» [1, 334]. В конечном счете, нивелируются базовые ценности права, к примеру, теперь не совсем понятны бинарные оппозиции («виновность – невиновность» и др.), стремительно искажающие всякие привычные значения. В принципе, именно так реализуется и в последующем усугубляется правовой формализм, фундированный оторванностью

правовых и нравственных систем оценок от реального положения дел. В самом деле, в ряде государств можно наблюдать, как правовые нормы, составляющие и формальную, и неформальную сторону функционирования политико-правовых институтов, становятся суждениями без содержания, что приводит к бессодержательности и девиациям при воспроизводстве общественных взаимоотношений и практик. Подобные отклонения и развязывают руки суверена, задавая впечатляющую палитру реализации его властных полномочий, степень которых ограничивается лишь собственными интересами. Виновность человека как обладателя тела становится результатом не аргументированной доказанности как соответствия знания действительности, как это реализуется в корреспондентской концепции истины, и даже не в форме согласованности высказываний. В современном мире, особенно там, где функционирование политико-правовых институтов существенно отклоняется от своего идеального плана, распространилась практика определения виновности в соответствии с введением «чрезвычайных ситуаций».

Вне всякого сомнения, недостатком рассмотренной концепции является то, что индивиды перестают быть носителями прав, гарантий и обязанностей. Конечно, это серьезно подменяет смысл понятий «человек» и «гражданин», одновременно расширяя данные понятия, поскольку под «телом, подвергаемым властным полномочиям», можно разуметь достаточно большой класс объектов. Агамбен не предлагает четкого деления правоотношений между сувереном, людьми и всеми остальными «телами». Закономерно, что это способствует размыванию содержания рассматриваемых институтов, которые можно трактовать не только как социальные конструкты, но и в качестве властных структур, оказывающих, например, свое влияние на животных, которые, как известно, не способны формировать государственность как таковую. Помимо этого, возникают множественные трудности прикладного плана, непосредственно связанные с правоприменительными практиками, форми-

рованием правосознания и корректным отношением к «телам» различного рода. Излишний формализм, отрицательно влияющий на функционирование политико-правовых институтов, ослабляет эффективность регламентации общественных отношений, де-факто приравнивая их к законам природы. Тем не менее, понимание людей как «тел» и их использование при тех или иных манипуляциях все же имеет инструментальное значение, но исключительно в объективно критических для общества ситуациях, поскольку позволяет привести его в состояние максимальной мобилизации и использовать имеющиеся ресурсы для разрешения сложных задач.

Следующей заслуживающей внимания позицией представляется теория сборки Д. Деланда [4]. Этот интеллектуал заимствует понятие сборки у Жюльена Делеза, под которым в общеизвестном прочтении можно понимать множественность, состоящую из большого количества разнородных деталей и устанавливаемых между ними связей. Содержательно теория Деланда близка акторно-сетевой теории Б. Латура. Однако в акторно-сетевой теории признается, что онтологизируются те объекты, которые входят в сборку (здесь под «сборкой» понимается сеть, состоящая из множества входящих в нее акторов) – и это влечет за собой необходимость признания примата сетевых связей перед существованием объектов и предопределение существования и функционирования объектов сетями. Деланда стремится отойти от представленной логики изучения социальных объектов через отсылку к логике и методологии естественно-научного и математического исследования, а также к синергетической концепции понимания социальных процессов. Сущность его теории сборки достаточно ярко отражает принцип самоорганизации любых систем, который применим и по отношению к политико-правовым. Характерно, что этот принцип предполагает две одновременно реализуемые тенденции: детерриториализация и ретерриторизация, которые указывают, что свойства образующих ее элементов в значительной

степени влияют на форму и способ организации данной системы [8].

Деланда отмечает, что в естественном мире любой физический объект ищет наиболее устойчивое положение в естественной среде; следовательно, в политико-правовых системах ее структурные компоненты также будут стремиться к максимально комфортному положению, при котором все остальные включенные в нее составные части будут максимально полноценно выполнять отведенную им функцию. Выходит, что свойства огромного количества социальных элементов приобретают значение в процессе формирования какой-либо политико-правовой системы. В то же время, и сама система отношений между этими структурными элементами также имеет вес в процессах формирования целостной системы: «Сборка предполагает дифференцированную природу отношений, которые проявляют различные свойства в зависимости от взаимодействия множества окружающих форм. Несмотря на разнообразие форм и процессов, структурно они могут быть представлены в качестве топологических инвариантов многообразия» [2, 140-141]. Мы видим, что здесь как нельзя лучше проявляет себя сущность идейной детерминации институциональных преобразований: достаточно редки (если вообще не исключительны) случаи создания принципиально новых институтов. Таким образом, любые обновленные институциональные системы представляют собой не принципиально новую совокупность элементов, а скорее иной способ сочетания уже имеющихся конструкторов, каждый из которых по-своему влияет на сформированную до этого систему, определяя своими модифицированными свойствами все ее функционирование.

Вместе с этим, «возможность сборки зависит от консистентности (согласованности) размерности пространства (параметров объекта), топологии многообразия (принципиально возможных для объекта отношений) и взаимодействия конкретных форм. Анализ сборки не предполагает редукции форм к инвариантам многообразия; сборка представляет собой ва-

риативное повторение и различие, исходя из одних и тех же инвариантов (серийность)» [2, 141]. Отношения же, в которых формируется система как результат сборки, отчасти определяет способы существования ее структурных элементов, задавая качественно иной способ организации социальной системы, воспринимаемый социальными субъектами как «новый». Точка сборки предполагает одновременное сочетание двух свойств системы – универсальности реализуемых пространственных возможностей и эмерджентности сетевого существования. Первое свойство определяет возможность распространения точки сборки на определенном пространстве, второе способствует усилению свойств конкретных структурных элементов системы. В итоге политико-правовые институты в теории Деланда могут быть интерпретированы как структурные элементы точки сборки, обладающие свойствами, позволяющими организовать общественную жизнь таким образом, чтобы позволить эффективно реагировать на вызовы времени и организовать относительно устойчивый социальный порядок как маркер эволюционной магистрали развития социума.

И хотя теория сборки Деланда позволяет достаточно наглядно усмотреть эффективные принципы организации институциональной среды, да еще и в каждом конкретном обществе, она несвободна от редукционизма, предполагающего сведение механизмов ее создания к естественным свойствам систем. Выходит, эта методология не может претендовать на универсализм при решении стоящих перед государствами задач, поскольку практически не допускает изменение количества структурных элементов, что можно распространить и на их содержание, тогда как институциональная динамика предполагает и включение новых конструктов, и забвение архаичных структурных элементов. У Деланда изменяются лишь свойства элементов в системе, что и позволяет найти оптимальное применение в конкретных условиях, не позволяя создать принципиально новых политико-правовых институтов, которые, самоочевидно, создаются как ответ на

соответствующие проблемы. Конечно, идеи М. Деланда позволяют сделать вывод о необходимости учета системного понимания современного общества, но в них словно игнорируются такие обеспечивающие эволюционный вариант развития социума свойства, как усложнение и дифференциация самой институциональной среды.

Следующим оригинальным комплексом идей является концепция практик М. де Серто, который, как мы считаем, достаточно многое позаимствовал в социальных взглядах Ж. Бодрийяра. Так, де Серто дефинирует «практики» как определенные виды деятельности, которые изобретаются и переизобретаются в контексте общества. При этом сами социальные пространства категорируются им как области, в которых протекает все многообразие практических действий человека и групп [9]. При этом любое социальное пространство используется на основании принципа потребления, который заложен в системе общественных отношений между обладателями ресурсов и теми, кто их не имеет.

Система властных отношений определяется не в политическом, но скорее в экономическом смысле: обладатели ресурсов имеют возможность навязывать определенные и выгодные им социальные практики тем, кто не обладает ресурсами, используя, при этом, доминирующую культурную экономику и применяя собственные правила игры для подчинения общественных масс, не обладающих ни ресурсами, ни конкурентными механизмами управления. Одновременно с этим, «слабые» не подчиняются «сильным» в полной мере, так как могут творчески подходить к существующим правилам и навязываемым им нормам. Получается, что складывается два вида практик, один из которых идет со стороны «сильных» и состоит в навязывании вариантов поведения. Другой же заключается в использовании существующей продукции в форме неподчинения едва заметным способам экономического властвования доминирующей стороны.

При этом практики «слабых» также включают в себя два структурных элемента – стра-

тегию и тактику [6, 158]. Первый из них можно определить как расчет сил, подразумевающий утверждение собственного пространства для жизни и способности действовать в расчете на уже известные способы практик. Тактики же включают в себя расчеты действий, которые не могут опираться на уже известное. В частности, идеи стратегии и тактик применяются де Серто в области действий СМИ, которые используют гетерогенные методы и приемы воздействия на целевую аудиторию для навязывания необходимых тех вариантов институционализации, в которых заинтересованы обладатели ресурсов. В связи с этим СМИ часто руководствуются политизированной междисциплинарной практикой, которая включает в себя все возможные способы присвоения и эксплуатации жизненных ресурсов «слабых».

В результате мы видим, что рассматриваемые институты переходят из области персонифицированных властных субъектов к методам экономического влияния. Такие институты используют уже не-политические способы и инструменты влияния для достижения собственных интересов. Недостатком этой концепции является ярко выраженный экономический редукционизм, основанный на примате интересов небольшой группы лиц. Такой подход представляется слабым, поскольку в большинстве ситуаций при осмыслении социальных процессов попросту недостаточно свести их к единственному основанию. По нашему мнению, значимость идей де Серто состоит в прорисовке эффективных механизмов использования не-политических властных полномочий. Для наших исследований это дает возможность увидеть подключение иных ресурсов, помимо тех, что непосредственно используют политико-правовые институты в своем функционировании.

Еще одной нетривиальной социально-философской концепцией становится учение о социальном бытии Ж.-Л. Нанси, исходящего не из превалирования целостности общества, но из принципа сингулярности при построении социальной системы. Единичные субъекты становятся основанием формирования общественной ткани, они касаются друг друга,

однако конституируются самим разъединением. Отметим, что при этом сами единичности в форме отдельных субъектов со-являются в общественной системе и могут существовать только вместе с иными единичностями. Социальная ткань дистрибутивна, поскольку единичности (индивиды) в своем существовании сталкиваются с пределом самих себя, на границе которого присутствуют Другие, в контакт с которыми они и вступают, тем самым формируя общественную систему.

Общеизвестно, что Нанси определяет Другого как полностью иного, нежели Я. Это – то, что представляется как все внешнее, чуждое, чужое, не-я. При столкновении с этим Другим, в широком смысле – со всем многообразием других субъектов, вырабатывается так называемая социальная экспозиция, когда сам субъект показывает себя и на основании восприятия аналогичных показов Других Я появляется возможность взаимопонимания и формирования социальных связей как основания для взаимодействий.

Экспозиция единичности может выражаться в формах: (1) создания нарративной структуры, выражающей сущность Я и Другого; (2) занятия места в этой структуре; (3) предложения нарратива другим. В результате именно нарративная структура становится основанием формирования общества и всех его институтов. Можно утверждать, что политико-правовые институты становятся выражением нарративной экспозиции множества единичностей, позволяя последним выражать себя в той форме, в которой это наиболее полноценно отражает их сущность.

Преимуществом такого подхода может считаться возможность формирования общества как уникального сочетания социальных связей и отношений. При этом интересующие автора институты будут являться максимально точным отражением системы соответствующих отношений. Однако недостатком концепции Ж.-Л. Нанси становится отсутствие общечеловеческих оснований и невозможность выявления фундаментального аспекта в совместном существовании всего множества отдельных людей. В конечном счете, это может привести

к тому, что политико-правовые институты окажутся неспособными сформировать собственную функцию по организации общественных связей и отношений, что, по нашему мнению, приведет к утрате их свойства выступать драйвером эволюционного развития.

Заключение. Итак, мы видим, что сегодня сформировался ряд социально-философских концепций, дополняющих классические подходы, и в которых при их применении сущность политико-правовых институтов может быть интерпретирована по-своему. Конечно,

в каждой из них мы можем обнаружить преимущества и недостатки, что говорит об отсутствии единой социальной теории, в очередной раз подтверждая целесообразность методологического синтеза. Это в очередной раз подтверждает значимость обращения к многообразному идейному наследию – и только последовательное соединение образующих его фрагментов друг с другом даст по-настоящему целостный взгляд на набирающую обороты в социально-философском дискурсе проблематику политико-правовых институтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронай Т. С. Читая Джорджо Агамбена: переосмысление этики под знаком права // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. 2014. Т. 27. № 1-2 (66). С. 333-339.
2. Красавин И. В. Устройство сборки, или симуляция онтологии у Мануэля Деланда // Социология власти. 2019. Т. 31. № 2. С. 136-154.
3. Кудина О. М. Оппозиция человека священного (homo sacer) и человека политического в концепции Дж. Агамбена // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2013. № 4 (22). С. 73-82.
4. Майорова К. Ассамбляжи на плоскости: минимализм в социальной теории (Manuel Delanda A new philosophy of society) // Логос. 2017. Т. 27. № 1 (116). С. 245-250.
5. Самовольнова О. В. Социально-философский анализ основных концепций биополитики: М. Фуко, Дж. Агамбен, А. Негри // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2017. № 4-2 (10). С. 261-271.
6. Степанов М. А. Поэтика изобретения. Рецензия на книгу Мишеля де Серто «Изобретение повседневности» // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 3 (12). С. 157-160.
7. Сыров В. Н. Как возможна современная социальная философия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2011. № 2 (14). С. 20-27.
8. Харман Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда // Логос. 2017. Т. 27. № 3 (118). С. 1-34.
9. Шульгин Н. А. Городское пространство в философии М. де Серто // E-Scio. 2020. № 2 (41). С. 218-222.

POLITICAL AND LEGAL INSTITUTIONS IN THE MIRROR OF MODERN SOCIO-PHILOSOPHICAL CONCEPTS

© N. N. Ravochkin^{1,2}

¹Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev, Kemerovo, Russia

²Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo, Russia

Institutional issues in social philosophy, coupled with ideas in theoretical, methodological and applied aspects, has acquired significance only in recent decades. In many ways, political and legal institutions are responsible for the entry of states onto the evolutionary highway in development. In the article, the author analyzes modern socio-philosophical concepts from the standpoint of their applicability in the synthetic methodology of researching political and legal institutions. The theoretical and methodological foundations of the work are the works of foreign, as well as domestic specialists, in which the essence of the concepts selected for critical analysis is considered. In order to reveal the stated topic, an appeal is made to the theories of J. Agamben, M. Deland, M. de Certeau and J.-L. Nancy. The strengths and weaknesses of the analyzed materialistic methodological positions are presented, as well as the prospects and practical connection of approaches with the problems of political and legal institutions.

Keywords: political and legal institutions, society, ideas, modern socio-philosophical concepts, social structure.

REFERENCES

1. Voropaj, T. S. (2014) 'Chitaya Dzhordzho Agambena: pereosmyslenie etiki pod znakom prava' *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Sociologiya*. [Reading Giorgio Agamben: the law, ethics and politics. Scientific notes of the Taurida National University named after V.I. Vernadsky. Series: Philosophy. Culturology. Political science. Sociology]. Vol. 27. № 1-2 (66). pp. 333-339.
2. Krasavin, I. V. (2019) 'Ustrojstvo sborki, ili simulyaciya ontologii u Manuelya Delanda' *Sociologiya vlasti*. [Assemble management, or Manuel Delanda's simulation of ontology. Sociology of power]. Vol. 31. № 2. pp. 136-154.
3. Kudina, O. M. (2013) 'Oppoziciya cheloveka svyashchennogo (homo sacer) i cheloveka politicheskogo v koncepcii Dzh. Agambena' *Territoriya novyh vozmozhnostej. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*. [Opposition of the sacred man (homo sacer) and the political man in the concept of J. Agamben Territory of new opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service]. № 4 (22). pp. 73-82.
4. Majorova, K. (2017) 'Assamblyazhi na ploskosti: minimalizm v social'noj teorii (Manuel Delanda A new philosophy of society)' *Logos*. [Assemblies on the plane: minimalism in social theory (Manuel Delanda A new philosophy of society). Logos]. Vol. 27. № 1 (116), pp. 245-250.
5. Samovol'nova, O. V. (2017) 'Social'no-filosofskij analiz osnovnyh koncepcij biopolitiki: M. Fuko, Dzh. Agamben, A. Negri' *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie*. [Socio-philosophical analysis of the basic concepts of biopolitics: M. Foucault, J. Agamben, A. Negri. RGGU Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Art criticism]. № 4-2 (10), pp. 261-271.
6. Stepanov, M. A. (2013) 'Poetika izobreteniya. Recenziya na knigu Mishelya de Serto «Izobretenie povsednevnosti»' *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury*. [Poetics of invention. International Journal of Cultural Research]. № 3 (12). pp. 157-160.
7. Syrov, V. N. (2011) 'Kak vozmozhna sovremennaya social'naya filosofiya' *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sociologiya i social'nye tekhnologii*. [Possibility of contemporart social philosophy. Bulletin of the Volgograd State University. Series 7. Philosophy. Sociology and social technology]. № 2 (14), pp. 20-27.
8. Harman, G. (2017) 'Seti i assamblyazhi: vozrozhdenie veshchej u Latura i Delanda' *Logos*. [Networks and assemblages: the rebirth of TH GS in Latour and Delanda. Logos]. Vol. 27. № 3 (118), pp. 1-34.
9. Shulgin, N. A. (2020) 'Gorodskoe prostranstvo v filosofii M. de Serto' *E-Scio*. [Urban space in the philosophy of M. de Certeau. E-Scio]. № 2 (41). pp. 218-222.